

О ФИЛОСОФИИ ВЫБОРОВ: СТОРОННИЙ ВЗГЛЯД*

***Аннотация.** Во второй части статьи рассматриваются различные аспекты выборов, в том числе и их происхождение, которое автор связывает с понятием «выбор», возникшего как итог одной из людских потребностей и, в свою очередь, породившего идею выборов как явления и концепта. В качестве таковых выборы обладают собственной сущностью, внутренней сутью, имманентными свойствами и, соответственно, функционируют как самостоятельный и самобытный фактор. Глубинные характеристики наряду с внешней инфраструктурой позволяют выборам выступить в общественном пространстве в виде независимого и важнейшего актора демократии. Будучи результатом необходимости, выборы формируют круг собственных потребностей и таким образом обретают масштабную пространственную и временную действенность. Одно из важнейших значений выборов заключается в том, что в них содержится эволюционная цель.*

***Ключевые слова:** выбор, выборы, необходимость, избиратель, общество, власть, государство, эволюция, электорат, демократия.*

ON THE PHILOSOPHY OF ELECTION: AN OUTSIDE VIEW

***Abstract.** The second part of the article examines various aspects of elections, including their origin, which the author associates with the concept of «choice», which arose as a result of one of the human needs and, in turn, gave rise to the idea of elections as a phenomenon and concept. As such, choices have their own essence, inner essence, immanent properties and, accordingly, function as an independent and original factor. Deep characteristics, along with external infrastructure, allow elections to appear in the public space as an independent and most important actor of democracy. As a result of necessity, choices form a circle of one's own needs and thus acquire large-scale spatial and temporal effectiveness. One of the most important meanings of choices is that they contain an evolutionary purpose.*

***Keywords:** choice, elections, necessity, voter, society, power, state, evolution, electorate, democracy.*

*Ошибаются те, кто во всеобщем избирательном праве
видит гарантию хорошего выбора.
У всеобщего избирательного права
есть другие преимущества, но только не это.*

Алексис де Токвиль

Впереди любого осознанного действия шествует *идея* — выборы здесь не исключение. Между возникновением человеческого — частного и общего — выбора и выборами как политическим актом так же, как между мифологией и религией, моралью и законом, интуитивными и случайными догадками и наукой, простираются тысячелетия. И то, и другое имеет *инстинктивную основу*. И то, и другое, развиваясь, сумело подняться до *осознанного уровня*. Так как их пути разошлись давным-давно, то проблема не в расстоянии, которое разделяет и по крайней мере с каких-то позиций может быть измеримым (хотя для этого единиц не придумано), а в том, что они *движутся в разных, далеко не в параллельных, направлениях*. Нет ничего странного в том, что взаимосвязи выбора и выборов по сей день сохранились, и они-то как раз вряд ли когда-либо разойдутся.

Как результат одной из множества людских *необходимостей*, выбор возник в качестве *средства ориентирования* и, по сути дела, таковым и остался. Выборы, появившиеся намного позже и имеющие фундаментально иное назначение, в данном смысле разделяют судьбу выбора. Оба явления, хоть и *постоянно развиваются*, — выбор под воздействием *интеллекта*, выборы в рамках *форм правления, властных систем и совершенствования возможностей государства*, эволюции не подвержены: выбор — как *продукт инстинктов*, выборы — как *рукотворное явление*. Могут обладать разными формами, масштабами и даже проявлениями, но ни один из их векторов развития к эволюции не имеет отношения (хотя наличие обратной связи несомненно) в том смысле, что выбор и выборы *предельно устойчивы* в большинстве своих проявлений.

В свое время — в самом начале своего пути — человек (а вместе с ним и человечество), достигнув *определенного уровня сознания* (вероятнее всего — *рассудка*), получил в свое распоряжение одно из первых своих *озарений* и тут же чуть ли не в прямом смысле слова наткнулся на *выбор*, да таким образом, что не смог его обойти. В итоге так и пошел с ним по жизни в постоянной связи, — то ли выбор сам стал его вечным спутником, то ли человек, поняв его значение, дальше не мог без него обойтись, но факт остается фактом: эволюция человека (да и его повседневное бытие тоже) вряд ли возможна без выбора. С данного события многое и началось. Выбор придал человеческому существованию *особого рода осознанность*, — с одной стороны, значительно *усложнил* его, открыв «ящик интеллектуальной Пандоры»,

с другой — сделал людей *разборчивыми*. Сначала в малом и маленьком, а затем в большом и масштабном, а впоследствии — практически во всем.

Он же и привел человека к *идее выборов*. Это случилось значительно позже возникновения самого выбора, — притом на несколько эпох; можно сказать, что уже в другой жизни, в которой люди достигли того уровня развития, что им стало чем располагать, что хранить и что делить в материальном смысле. Выборы прошли примерно такой же путь развития, как и выбор. Недолго задержавшись в *статусе понятия*, за исторически короткое время они трансформировались в *явление*. Сначала касались *отдельных ситуаций*, а затем таким же образом, как выбор, то есть медленно, но всё же с большей проворностью, превратились *сначала в потребность*, затем в *востребованность*, а далее — в *необходимость*. Но в отличие от выбора, они с первых шагов приступили к оформлению собственной *интеллектуальной и физической инфраструктуры*, — начали с деталей, а затем, спустя множество веков, добрались *до системы*. Обзавелись не только собственной — самостоятельной (практически независимой) и самобытной — сущностью (тем, что определяло их характеристику), но и имманентными свойствами (то, что делало их незаменимыми). Притом таким образом, что и сущность, и имманентный мир выборов мало кому в полной мере открыты.

Так как выборы — главный «персонаж» нашего повествования, то дальше мы будем говорить о них почти безотносительно к выбору. Начнем с *сущности* выборов, без которой ни одно явление невозможно. Это — *пространство, в котором происходит развитие внутреннего мира явления*. В случае с выборами она напрямую связана, во-первых, с *биографией* (с пройденной ими дорогой), во-вторых (и в гораздо большей степени), с *опытом и практикой*. Удивительно, но сущность как к инфраструктуре, так и к внешней оболочке выборов имеет опосредованное, притом не столь существенное отношение. Она в значительной мере *порождается взаимоотношениями и взаимодействием выборов* с такими акторами электорального поля, как *общество и государство*. Что касается *избирателя*, то он, точнее, его мировоззрение, мироощущение, миропонимание и мировосприятие, необязательно могут происходить из здравого смысла, ума, мудрости или гения, при этом вполне уютно и вольно чувствуют себя *в пределах рассудка*. То есть того проявления сознания, которое, с одной стороны, является *главным обиталищем сущности выборов*, с другой, — пребывая в достаточной доступности с *ментальностью*, в некоторой (довольно значимой) степени *находится под ее контролем*.

Ни сущность выборов, ни человеческий менталитет *избирателю ничего не диктуют*. Оба чаще всего *оперируют* в том числе и довольно специфическими знаниями, вроде *представлений и стереотипов*, но в их интеллектуальном арсенале немало неопровержимых фактов, готовых, как некие аксиомы, выступить *подпорками* для шаблонов, клише и всевозможных слепков в людской памяти *об опытных образцах*. Говоря по-другому и более

конкретно, они и определяют *и явное, и подспудное значение* выборов. То есть сущность, находясь вне доступа каких-либо политических и психологических технологий и независимо от формального волеизъявления (зафиксированного на избирательном бюллетене), хранит в себе *реальный*, при этом не всегда озвученный и формализованный *выбор гражданина*. Не являясь ни очевидностью, ни действительностью, этот выбор *сродни историческому факту* и оставляет существенно больший след в сознании избирателя, чем поставленная им в конкретной графе бюллетеня «галочка».

В отношении *имманентных свойств* выборов можно сказать примерно то же самое, но данного рода качества обладают своими особенностями, заключающимися в их «железобетонной» характеристике. Они *почти таким же образом присущи* (привязаны, прикреплены, приделаны) выборам, как интеллект разумному виду. Не имея ничего общего с интересами, они представляют собой элементы *общей защитной системы* и происходят, с одной стороны, *непосредственно из сферы инстинктов*, с другой — *из здравого смысла*, то есть *из пространства рациональности*. Их трудно перечислить поименно, — тут и разум, и логика [1], и гармония, и осмысленность, и целесообразность, но они, *как представители глубинной — интеллектуальной, духовной, ментальной — инфраструктуры* выборов, и в том числе по этой причине никоим образом *не связанные* с внешней инфраструктурой последних, выступают *внутренними организаторами избирателя*, — практически ведут его за руку, оберегая от опрометчивых поступков.

Имманентные свойства выборов не противоречат и не противостоят сущности выборов, — они их дополняют. И при этом свидетельствуют о том, насколько, каким образом, посредством каких моментов, в какой степени и, наконец, почему выборы *соответствуют человеческой сути*. Под сутью индивида — неразделимого и целостного субъекта (не вида — с ним все должно быть понятно, и не дива — принципиально разделенного, фрагментированного, лишённого внутреннего единства человека), подразумевается в первую очередь *ментальность — некое соединение сознания (разума), психологии и эмоциональной сферы*. Но как сам человек широк и глубок, так и его суть *не может заключаться в категориях*, доступных относительно легкому осмыслению. И с такой позиции определение соответствия выборов людской сути должно бы начинаться *с воли и свободы*, завязанных между собой и оказывающих на любые формы правления, особенно на демократию [2], *детерминирующее* воздействие. *И выбор — первооснова выборов, и выборы являются следствием свободы*. И хотя бы по этой причине *полностью соответствуют сути людей*. А что касается их *созвучия* с сутью и содержанием гражданина и общества, то тут сомнения исключены, так как по данному вопросу более чем уместно исходить из *природных начал* — происхождения и первичных этапов эволюции разумного вида.

Здесь же следует искать ответы на вопросы о *волеизъявлении*, как о понятии, концепте и феномене. Оно как бы заключено в голосовании, формальном

или неформальном (абсентеизм) согласии или несогласии с определенной позицией. На самом деле *волеизъявление существенно отличается от политического выбора*; примерно так, как поверхность моря мало что может поведать о состоянии подводных течений. Волеизъявление — не шире, не глубже, а именно *больше, чем акт голосования*. Понятно, что *государство и власть* обычно довольствуются результатами голосования, более того, по ним и ориентируются. Но это слишком самонадеянная или довольно легкомысленная позиция. С властью всё объяснимо, она в большинстве случаев исходит из своей *временной и краткосрочной* сути, оставляя трудноразрешимые проблемы преемникам. А в позиции государства явно *не достаёт логики*, так как именно оно в течение достаточно долгого периода, а, возможно, и эпох, *пребывает в перманентном соприкосновении не с итогами голосования, а с результатами волеизъявления*. Выборы, если их рассматривать в качестве ориентира и своего рода политического и социального компаса (или навигатора), — *в значительной степени волеизъявление, а не голосование*. Суть электорального дела заключается в том, чтобы приблизить значения последних друг к другу, а еще лучше — соединить. Но в решении данного вопроса усилий не только одних лишь организаторов выборов, но и государства и власти недостаточно, то есть без масштабного участия и заинтересованного содействия социума не обойтись.

Рассматривая выборы как *факт общей воли*, мы должны понимать, что здесь речь должна идти не просто *о воле социума, нации, народа*, а об общей и объединенной единой целью *воле всех обитателей и акторов общественного пространства*. Согласимся, что это утверждение больше похоже на *воображаемую или идеальную версию выборов*; а по существенной части моментов, из которых состоят выборы, особенно если принимать во внимание очевидное различие интересов их участников, это идеал. Но идеал достижимый, так как *единство цели*, которая, как правило, по значению намного превосходит любые интересы, может превратить в реальность практически какие угодно фантазии. Люди (общество) иногда (к счастью, очень редко) легко объединяются вокруг деструктивных идей, что приводит к бунтам и революциям. А это не потому, что им свойственна приверженность ко всякого рода разрушениям. История в сочетании с географией показывает, что люди *рады бы включиться* в процессы реализации конструктивных идей. Более того, в большинстве своем *стремятся* в первые ряды созидателей. Но в том и проблема, что человеческая цивилизация практически в постоянном режиме *страдает от дефицита жизнеутверждающих целей*, в буквальном смысле блуждая, а то и утопая во множестве пустых (и по сути, и по содержанию) «благих намерений». Зачастую получается так, что общую волю применить оказывается некуда: выборы — *одна из важнейших человеческих идей, основавшая наиболее эффективную форму государственного правления*, обретают *формальный характер*, превращаясь в самый обычный *политический инструмент*, а нередко — и вовсе в технологию, служащую одной лишь корысти.

Судя практически по всему, что в актуальной реальности имеет место во всем мире, *ресурсов социума явно не хватает, чтобы оберегать выборы*. Неслучайно государство, видимо, догадываясь об их возможной уязвимости, можно сказать, изначально (не важно, как оно в те давние времена называлось и как выглядело) снабдило выборы *легитимным содержанием*. Если иначе и точнее, то *определило им место под защитой собственных законов*. С тех пор суть выборов не сильно изменилась, — они выполняют ту же роль, которая была возложена на них в древние времена. В отношении своей формы выборы подвергались множественным *внешним и внутренним (содержательным) преобразованиям*, особенно в техническом и технологическом смысле, — это происходило *перманентно*, — во-первых, по логике вещей, во-вторых, исходя из потребностей акторов социального пространства, в-третьих, вслед за техногенной трансформацией общественной бытийности в целом. Менялось и законодательное содержание выборов, — *оно в большей мере усложнялось, чем совершенствовалось*, но один итог этих изменений особенно значим и важен: сегодня выборы необязательно формально, но точно, по сути, *представляют собой законодательный акт*. Притом высшего порядка, — и в данном восприятии они *равны референдуму*, подобность воле народа (общества или сообщества) которого более чем очевидна.

Как бы выборы ни формализовались бесконечными усилиями власти и ее добровольных или нанятых помощников — всевозможных экспертов и политтехнологов, зачастую оказывающих как государству, так и власти «медвежью услугу» посредством переворачивания важнейших электоральных смыслов с ног на голову, их (выборы) невозможно лишить концептуальной сути. С самого начала они функционировали *как явление*, что и определяло и по сей день определяет *уровень действенности* выборов. Это мы о том, что чуть ли не в постоянном режиме предпринимаемые попытки, старания и действия (не только технологические, но и законодательные), направленные на то, чтобы *загнать выборы в «стойло» понятий и таким образом изолировать их от действительности*, вряд ли способны привести к какому-нибудь конструктивному результату. Очень высока вероятность, что подобного рода стремления, большей частью обладающие *корыстным и угодническим содержанием*, обернутся противоположным эффектом и придадут выборам некую *закалку* так, как уже не раз случалось в истории, притом не только в отношении выборов. И всё же играть с огнем не стоит. Выборы именно как явление *ценны своей многофункциональностью*, в которой кроются не всегда явные, временами и вовсе спящие, но чаще всего более чем действенные *принципы профилактического рода и превентивного характера*, обладающие защитным значением не только для общества, но для государства и власти. Особенно в том более чем важном смысле, что при необходимости *очень часто именно выборы берут на себя* нейтрализацию воздействия всевозможных ударных волн народного гнева.

Речь здесь идет о той *характеристике* выборов, которая несет в себе особую значимость как для общества, так и для государства. В этом смысле и практически по одной, но внутренне неоднородной причине она разделяется на *несколько вариаций*, выступая то *личной, то социальной, то политической, а то и юридической* необходимостью. При этом каждый раз проявляя себя не только с различных аспектов, но и по-разному.

В качестве *частной, личной или индивидуальной необходимости* выборы выступают как особое средство общения. Это — язык, но не в общепринятом понимании, а язык, оснащенный *особого рода голосом*, который нельзя не услышать. Это язык, которым *выносятся вердикты и описывается история*, притом не важно чья — деревни, села, поселка, города или страны, и который несет в себе *не только значения, но и смыслы*. Им можно *донести до соответствующего адресата* (до государства или власти того или иного уровня) идеи, мысли, одобрение, возражение, претензии, *не только высказываясь* (формальным голосованием и многозначным волеизъявлением), *но и безмолвием*.

Как *общественная необходимость*, выборы преследуют несколько целей, перечень которых чаще всего открывает явное или подспудное желание установления, восстановления, обеспечения абсолютно субъективного в большинстве своих восприятий *порядка*. Последующие позиции данного перечня как в своей конкретике, так и в той же субъективности, не сильно отличаются от его начального пункта. В то же время опирающиеся большей частью на объективную реальность государство и власть в виде организаций, служб, структурных единиц и должностных лиц чаще всего прекрасно осведомлены о действительной сути субъективных потребностей. Это означает, что *язык выборов в большинстве ситуаций понятен всем сторонам избирательного процесса*.

В качестве *политической необходимости* выборы чаще действуют в определенной сфере и редко выходят за ее пределы. Разговор здесь не столько о власти и государстве, сколько *о праве*. То есть о том, что своим присутствием выборы *придают легитимность* тем или иным явлениям, форматам, структурам, деятельности, решениям и так далее. Их функционирование в юридическом пространстве не столь существенно для социума, скорее они важны для самих выборов, так как именно в правовом поле они *нарабатывают* не только особенную и весьма значимую часть своей *репутации как одной из основ демократии*, но и обретают *юридическую необходимость*, таким образом вступая на территорию законодательства.

Несколько отвлекаясь от линии повествования, скажем, что в представлениях социума выборы, хоть и являются *некой связующей нитью*, а временами и *мостом между государством и обществом*, в основном действуют в пространстве *морали и справедливости*. Став *юридической необходимостью*, они в весьма существенном смысле получают в свое распоряжение *новую сферу деятельности* и тем самым

расширяют поле как собственного функционирования, так и воздействия электората, и практически в прямом понимании слова *заходят* в зону вынесения государственных решений. Обретением свойства юридической необходимости, став некоторого рода *средством легитимации*, выборы определенным образом подставляют плечо как государству, так и власти.

Здесь возникает вопрос: если выборы обладают (или в состоянии обладать) столь широкими возможностями, то по какой причине и каким образом формируется такое достаточно распространенное явление, как *пренебрежительное отношение к выборам, граничащее с безразличием*? Притом речь может идти не только об *абсентеизме*, — подобное отношение может наблюдаться и со стороны власти. Ответ лежит на поверхности.

Хоть обстоятельства и бывают разные, но в случае с электоратом чаще всего подобное восприятие связано с *личными мотивами*. Здесь прежде всего свою роль играет *проблема доверия*, причем двояким, а нередко и трояким или множественным образом. *Недоверие к выборам переходит в недоверие к власти*, и точно так же *недоверие к власти может обернуться недоверием к выборам*. Нужно учесть, что ни одна из форм недоверия сама собой не возникает, скорее *они вырастают* из определенного, часто негативного опыта общения или взаимодействия. Ничем не опровергаемое недоверие со временем может порождать *неприятие и безразличие*, и это — естественный процесс.

Власть может в определенной мере *потерять интерес* (полностью отвернуться от них она не в состоянии) к выборам при нескольких ситуациях: когда она устроила свою деятельность таким образом, что практически *не зависит от выборов* (обернулась диктатурой, автократией, «цезаризмом», монархией, то есть почти или в полной мере отвергла демократию) и нуждается в них как в *репутационном средстве* — как в фасаде и декорации; когда, практически «отработав свое», стала «хромой уткой» и готовится к тому, чтобы *сойти с политической «сцены»*; возможны случаи, что безразличие власти к выборам носит *мнимый характер* и на самом деле представляет собой особого рода политическую технологию.

Впрочем, *отношение различных акторов к электоральным вопросам* — избирательной системе и выборным процессам — тема обширная и нуждается в отдельном и более чем обстоятельном изложении. Нам же нужно сосредоточить свое внимание на рассмотрении и анализе различных аспектов выборов, чтобы суметь увидеть их не как нечто разрозненное и расплывчатое, а в виде чего-то цельного. На наш взгляд, именно в своем цельном и целостном состоянии выборы могут раскрываться перед исследователем не только со своей *«парадной» стороны*, которая зачастую выдается за их глубинное содержание, но и бесконечными гранями, деталями, подробностями, формами, проявлениями, составляющими *реальную суть* избирательной практики.

Выборы, как некая самобытность, обладают *реестром правил*. При этом от большинства самобытных явлений отличаются тем, что они — сами

по себе *правило*, то есть — одно из правил народовластия и, следовательно, гражданского общества. В этом твердом и устойчивом качестве выборы входят в число *важнейших элементов* социального обихода как своего рода *естественная установка*. Касаясь непосредственно *порядка* в достаточно высоком и широком восприятии и при этом обладая *природными корнями* через свое происхождение из человеческого (частного) и общественного (общего) выбора, они *связаны с внутренним содержанием индивида*. Отношение к ним может быть разным, а временами кардинально разным, но то, что выборы — это *опора* как личности и общества, так и власти и государства, очевидный, множество раз проверенный историей факт. Все названные акторы в различной мере и с различными целями опираются на выборы, как на нечто, своей сутью *превышающее значение закона*.

Данная особенность возникла неслучайно. *Закон*, исторически естественным путем сформировавшийся на *этической основе*, достигнув определенного уровня своего развития, можно сказать, *став самостоятельным и весьма действенным фактором*, в некотором смысле *отошел от морали* и пошел (по сей день идет) собственной дорогой. Бывают времена, когда во избежание особых (большой частью субъективных) форм ответственности он вовсе *отвергает* родственные отношения и даже какую-либо связь с моралью. Особое восприятие выборов в общественном сознании и государственном понимании связано с тем, что, как бы они высоко ни взлетали и каким бы значением и авторитетом ни обладали, *нити, связующие их с моралью* [3], остаются прочными. И в этом смысле выборы, находящиеся и функционирующие в законодательном пространстве, обладающие *собственными правилами* и являющиеся *самостоятельным правилом*, представляют собой *исключение из правил*. В данном контексте и проявляется *независимая суть* выборов, которая определяет и порождает их ресурсную базу.

В свое время — очень давно — человеческая цивилизация, на практике столкнувшись с неэффективностью многих иных способов формирования власти (неважно на каком уровне), обратилась к идее выборов *как к своему шансу* (может быть, очередному, а может быть, последнему и единственному). Как выбор индивида *не в полной мере зависит* от него самого (то есть, сам по себе выбор, как частное дело, настолько же независим в своих действиях, насколько самостоятелен индивид в своем выборе), так и результаты выборов, как общего действия, *соотносятся* со множеством внутренних и внешних обстоятельств. И таким образом, что *субъективный электоральный выбор каждого избирателя складывается в объективный вердикт всего общества*. Здесь — в данном моменте — кроется более чем значимый контент, заключающийся в *глубинной характеристике* внутренних, не всегда доступных к использованию *резервов* выборов. Отказ от выборов в какой бы то ни было форме и каким бы ни было способом — это отречение от содержащегося в них громадного потенциала, способного

выявить и поставить на службу государству и обществу *интеллектуальный запас и физические возможности*, как минимум, большинства населения.

Возможно, одно из важнейших значений выборов кроется в том, что в их более чем богатой и разнообразной сути хранится *заключительная цель*, хотя сами выборы не претендуют на место даже промежуточной цели. В этом смысле выборы, конечно же, представляют собой *средство* (методику, способ, технику, процедуру), но *средство высшего порядка*, ориентированное на достижение *определяющей цели*. Это тот случай, когда в сути орудия или оборудования содержится не только инструкция, но и возможные результаты как применения, так и отказа от его использования. Если говорить образно, то стоит лишь приглядеться, вооружившись элементарным инструментарием (в основном здравым смыслом, а затем — первичными знаниями), то несложно удостовериться, что практически на фасаде (видимой части) всех политических выборов (национальных, региональных, муниципальных, прямых, опосредованных и т.д.) крупными буквами выводится чуть ли не весь спектр целей и задач, притом попунктно.

Выше уже говорилось о месте *воспитания и образования* (именно в такой последовательности) в содержании выборов. Речь шла об их *воздействии* на отношение к выборам, которое носит не определяющий, но в то же время достаточно значимый характер. Надо учесть, что существует еще один аспект, сказывающийся на восприятии электоральных процессов, который так же связан с воспитательными и образовательными моментами. В какой бы форме и качестве ни осознавались выборы определенными акторами — своими участниками, — избирателями, избираемыми, организаторами в целом в общественном поле и, в частности, на арене политики, как бы ни выглядела избирательная практика со стороны и изнутри, каким бы воздействиям она ни была доступна (а то и подвержена), они (выборы) во всех ситуациях *выступают самостоятельным игроком* и политической сцены, и политического пространства. И в данном качестве проявляют свою собственную *воспитательную и образовательную суть* посредством почти прямого влияния на интеллектуальное и психологическое (разумеется, в определенном и в весьма конкретном понимании) формирование как социума и избирателей, так и власти и избираемых. Притом далеко не поверхностным и примитивным образом, а *через воздействие на ментальную суть* электората, — нередко в буквальном смысле слова трансформируя характеристику политического восприятия общества и таким образом *меняя сложившееся отношение* к избирательному праву (как к активному, так и к пассивному).

Обучающая суть выборов обладает немалым многообразием и действенностью. Зачастую (не всегда) она определяет, проектирует, вырисовывает, конструирует, генерирует и моделирует поведенческую характеристику избирателей. То есть если не напрямую, то косвенным образом именно с ней связаны как явные проявления *политизированности граждан* вроде осознанного абсентеизма и обоснованной собственным мировоззрением

общественной активности, так и различные формы *конформизма*. Раз уж мы коснулись проблематики *поведения электората*, то необходимо заметить, что *оно базируется не на одних лишь воспитании и образовании*. На образы действий избирателей прямое влияние могут оказать (очень часто и оказывают) различного рода представления (в том числе социальные и политические), стереотипы (среди которых может найтись место и этническим предрассудкам и всевозможным групповым и индивидуальным клише) и формы восприятия.

Выборы в качестве одного из наиболее значительных элементов народовластия, как и сама демократия, *впитывают* в себя особенности *традиций и обычаев* и таким образом становятся если не внешне (здесь в обязательном порядке срабатывают общие стандарты, в большей мере касающиеся правил и установок демократии, чем ее сущности и глубинной специфики), то *внутренне самобытными*. Важно иметь в виду, что как у выборов, так и у самой демократии, есть общие (глобальные) и частные (национальные, региональные, этнические, локальные) правила, притом последние так же важны и значимы, как и первые. С данной точки зрения, выборы являются *фактом демократии*, а это означает, что *они в контексте народовластия, как формы правления, вторичны*. Но это *так и не так*, поскольку и выборы без демократии, и демократия без выборов невозможны. В то время как демократия придает выборам свойство *необходимого элемента государственного правления*, выборы наделяют ее *значимостью народовластия*.

Очевидно, что *демократию породили выборы*, притом почти в прямом смысле, — из выборов, как дерево из оброненного зернышка, выросла демократия. Если продолжить образное представление рассматриваемых факторов, ставших (каждое по-своему, но в едином пространстве) важнейшими на сегодня политическими концептами (явлениями, обладающими масштабной — практически глобальной — действенностью и глубоким множественным содержанием), то дерево, развернувшее крону во все стороны, своей густой тенью несколько *нивелирует* значение первичного зерна. В определенной мере демократия, воспринимая политическую авансцену *как место исключительно своего обитания*, превращает электоральное дело *в разовый инструмент периодического характера* (скорее всего, не до конца осознавая значение их внутреннего потенциала [4, с. 135-150]), хотя даже в частности (отдельно от избирательного процесса), выборы явно способны проявить себя *еще с нескольких сторон* (особенно в виде постоянно действующей детали политики, — то есть в более самостоятельном значении). Несмотря на некую степень состоявшейся эволюции и существенный уровень технико-технологического развития демократии, *сегодня выборы возможны только в одном виде, а действены лишь в отношении определения власти*.

Первичность или вторичность выборов или народовластия в отношении их возникновения большого значения не имеет, даже если с момента обнаружения выборов, как формата определения лидера и включения их

в базовый политический арсенал человеческих коллективов и групп, до изобретения демократии с опорой на голосование прошли тысячи лет. Тут речь не о том, что старше, а что младше, или в первичности и вторичности. Важен *вопрос совпадения* возможностей выборов со свойствами демократии. В данном восприятии, то есть на фоне народовластия, выборы выступают как *порождение объективной необходимости*, а демократия — *как средство управления*. Здесь сложно обойтись без некоторого отступления от общего нарратива, так как для его дальнейшего развития в должном направлении необходимо вспомнить и принять во внимание то важнейшее обстоятельство, что как выборы, так и различные формы правления (начиная от вождизма и монархии и заканчивая демократией) *возникли в качестве ответа, защитной реакции, механизма обороны, адаптационного средства* разумной цивилизации на те или иные социальные или природные вызовы. Если отбрасывать всякие временного (почти всякий раз недолговечного) характера *политические перверсии* вроде нацизма, апартеида, крайних форм диктатуры и тоталитаризма, то в одних общественных ситуациях, географических и климатических условиях люди нуждались в одном формате власти, в других — в другом и так далее.

С данной позиции демократия исключением не является. Она возникла тогда, когда появилась *соответствующая потребность*; более того, и развивалась *по линии необходимости и востребованности*. Во времена, когда общество могло ограничиться тем, что опиралось на *демос* (на свою более состоятельную, продвинутую, а главное, свободную часть), применялась одна форма демократии, а когда общественное пространство заполонил *лаос* (население), народовластие обрело другое, менее действенное содержание. История пережила весьма долгий период, в течение которого оно вовсе сошло с мировой политической сцены. А затем точно так же, как при зарождении, вернулось, *как бы прислушиваясь к потребности*. В том, что является *результатом поиска*, демократия мало чем отличается от многих иных форм властвования. Одна из ее существенных особенностей заключается в том, что она обладает *возможностью соединить* как потенциал, так и интересы *властной вертикали* с аналогичным содержанием *общественной (электоральной) горизонтали*.

В сочетании с народовластием выборы, это — средство, изобретенное и взятое на вооружение человечеством для того, чтобы оно могло иметь возможность *искать и обретать*; инструмент поиска и достижения; подспорье по преодолению пути, ведущего к более совершенному состоянию; фактор, способствующий извлечению уроков из *опыта прошлого*; потенциал, через который можно обнаружить и использовать *ресурсы настоящего*; механизм, открывающий двери к *знаниям о грядущем*. В каждом из обозначенных здесь восприятий выборы и демократия взаимосвязаны и находятся в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении, — *выборы, как факт демократии, а демократия, как факт выборов*. Объединяющим субстратом

для обоих фактов во всех ситуациях выступает *социум*. Пространство жизнедеятельности *государства*, тем более зона нахождения *власти* совершенно недостаточны, а местами и вовсе не пригодны для их (электоральных процессов и народовластия) пребывания, выживания, развития и эволюции. В то же время *социальное поле*, особенно если оно населено *гражданским обществом*, — естественная среда и для выборов, и для демократии.

Из всех акторов обитаемой гражданами территории — *общественного пространства*, один лишь *социум* (он может носить различные аватары — способен представлять одновременно и общество, и электорат, и народ, и нацию, и этнос) по-настоящему и в полной мере заинтересован и в демократии, и в выборах. Прежде всего по той простой причине, что оба названных явления — в первую очередь *его порождения*. Притом от начала и до конца, — они были сначала востребованы, а затем задуманы, сформированы и запущены в действие *исключительно социумом*. Очевиден вопрос по поводу того, что и власть, и государство по возрасту *намного старше* любых форм правления (хотя бы потому, что в их отсутствии некому и нечему было обретать эти формы), тем более демократии. Следовательно, опровергать факт их участия в возникновении народовластия, как минимум, не совсем корректно. Но здесь нет никакого противоречия. И государство, и власть в немаловажной степени *заинтересованы* в демократии, но всё же *иначе, чем общество*. Они большей частью *интересанты демократии*, то есть те, кто ею пользуется. Достигнув уровня демократической формы правления, *общество переживает ее, пребывает в ней и живет ею*. И этим его заинтересованность отличается от бенефиции и лицензиата государства и, особенно, *во всех случаях временной власти*.

Отношение власти к демократии (а вместе с ней и к выборам) мы неслучайно выделяем как бы *в отдельную строку*. По большому счету оно *детерминируется* не только властью, которой по определению свойственно состояние субъектности, но и самой демократией (точнее, ее пассивным состоянием и примиренческим отношением ко вторичности своей позиции), как *особого рода контекстом*. Еще и потому, что к власти более чем применимо прилагательное «демократическая» (обычно оно носит комплиментарный характер почти на уровне пафоса), а демократию вряд ли можно назвать властной. По поводу обозримого будущего развития взаимоотношений власти и демократии сложно что-либо конкретное сказать, хотя у цивилизации до того момента, пока она не изобретет более действенную и универсальную форму правления, *нет никаких иных вариантов*, кроме как обратиться к полновесному народовластию и исключительно на нем *строить свою судьбу*. По крайней мере на данном этапе человеческой истории положение с демократией таково, что практически на всей планете власть, *не до конца осознавая значение демократии*, не руководствуется ею, а пытается поставить ее себе на службу.

По всему тексту мы обозначаем демократию еще и как народовластие, в некотором смысле обманывая себя, в некотором — льстя ей, в чем-то — надеясь на лучшее, а может быть, — занимаясь своего рода заклинанием. Эти слова — точно *не синонимы*, следовательно, означают не одно и то же. Демократия, это то, что как *система управления*, притом официальная, присутствует в нашей жизни. Во многих странах она, правда, чаще всего в виде перспективного момента, декорации или вовсе элемента популизма, *умудрилась пробиться и в конституцию*, — в большей мере в качестве благих намерений, чем реальности. Под *народовластием* в основном понимается более развитая, а то и совершенная форма демократии. То есть и то, и другое *растет из одного корня*. Но если демократия воспринимается исключительно как форма правления и подразумевает наличие (в актуальной действительности, как правило, формальное) *определенной атрибутики* — тех же выборов, правового государства, разделенной на различные независимые друг от друга ветви власти, то народовластие невозможно без реального, настоящего, подлинного, действенного, в полной мере оформленного и, самое главное, самобытного и самостоятельного *гражданского общества*. По сути — того, что в существующей мировой ситуации является только лишь электоратом, и которому, чтобы получить значение гражданского общества, а тем более, чтобы стать им, нужно быть помноженным на довольно большую цифру.

А это — *очень долгий путь* со своими специфическими препятствиями, который длится тысячи лет. Когда-то на этом пути *демагогия* (по Аристотелю — защита народа; «демос гогос» означает «народ веду») — тоже форма правления, но с элементами вождизма, была заменена демократией («демос кратос» — «народная власть» или «власть народа»). Это произошло из-за того, что на одном из перекрестков своего развития демагогия, свернув не туда, опустилась на уровень *популизма*; вынуждена была сойти с дистанции и уступила дорогу более перспективному своему подобию. Речь идет о том, что демократия, возникшая из необходимости (как до нее — демагогия), и *сама по себе является потребностью*: на личном и индивидуальном уровне — это один вид потребности, на общественном — другой, на государственном — третий. Возможно, для того чтобы стать *более совершенной*, ей нужно преодолеть некие барьеры, выйти из своего нынешнего состояния инструментария и стать *универсальной, всесторонней и всеобъемлющей необходимостью*, то есть более высоким проявлением потребности. Это всего лишь предположение, но очевидно, что, став на плоскость необходимости, демократия сумеет открыть для себя, а заодно и своих акторов, ближайшую (или следующую) на своем эволюционном пути развилку.

Понятно, что в одиночку, а значит, *без выборов*, ей никуда не выбраться. В данной ситуации выборы выступают *движущим*, а может быть, и *ведущим механизмом* демократии. Их *определяющий характер* в отношении вопросов правления обретает *настолько высокую степень* своего воздействия, что они становятся *экзистенциальной необходимостью*, а это означает одно:

без выборов нет демократии. Да, выборы могут быть разными, и демократия может быть разной, но только в частностях и деталях. Это потому, что оба, как явления, должны *соответствовать* восприятию социума. То есть не выборы и демократия со стандартным набором приходят к обществу, чтобы дозвель над ним, а *общество, исходя из своего актуального состояния, предпочтений и приоритетов, определяет и выбирает* демократию как форму правления, а с ней и выборы в качестве средства избрания власти и формирования государственности. Во всех ситуациях, связанных с взаимоотношениями социума с формой правления, избирательной системой, механизмами голосования — по сути инструментарием общественной бытийности, а значит, *вторичными ее элементами* (ни демократия, ни выборы, ни что-либо другое из этой или какой-то иной категории явлений и ценностей *не представляют собой жизнь и не способны выступить ее заменителями*), начала могут быть только *паритетными*. Это общество *может диктовать* демократии или любой иной управленческой системе свои правила и порядки, а не наоборот. Иначе дело (не сразу и сиюминутным образом, а со временем, когда ситуация созреет) может обернуться нежелательными, а иногда и непоправимыми последствиями.

Внутри этих рассуждений зиждется момент, с которым не всегда напрямую, а временами и вовсе косвенным образом, связана своего рода *легитимность демократии*. Это не та ситуация с соответствием или несоответствием чего-либо закону, когда вопрос решается судебным путем. В данном случае проблема возникает из *сущностной фактуры* и касается *реальности и фиктивности* демократии, которые (каждая в отдельности) имеют непосредственное отношение к ее эффективности и действенности. Если *реальность демократии* обитает на одном «берегу» людского восприятия и *отличается конструктивностью*, а значит, созидает, то ее *фиктивность* своей несравнимо другой, практически полностью противоположной сутью *начисто отрезана от действительности и живет жизнью симулякров, видимостей, имитаций*, порождая себе подобные же понятия, явления, ценности и концепты. Они и движутся по разным дорогам, хотя у реальности, как правило, есть *определенный путь*, а фиктивность, у которой все ложно, *и нет подлинных ориентиров* (вроде тех же выборов), часто направляется туда, куда *приходится*.

Тут выборы выступают неким *продолжением* демократии, то есть они как бы вторичны. Так оно и есть, но в конкретных контекстах. Общая для демократии и выборов реальность такова, что между этими двумя явлениями без колебаний можно поставить *знак равенства*. Как уже было сказано, *без одного из них другое не может существовать*. Это максима только на первый взгляд *может показаться спорной*, так как демократия — форма правления и *пребывает на той плоскости действенности, что государство и власть*. А выборы *выглядят как функция*, а зачастую — во всей повседневной политической и общественной жизни — *являются функцией*. А значит, в каком-то весьма

значимом восприятии — подспорьем, подсобным моментом, а в целом — всего лишь средством. Куда им тягаться с демократией, которая «на короткой ноге» общается не просто с сильными, а практически с самыми сильными мира сего. Но в том-то и дело, что выборы, в отличие от демократии, которая *ценна своим присутствием, существованием, направленностью и правилами* (по сути, статикой, что и мешает ей стать полноценной управленческой системой) значимы тем, что, во-первых, *оперативны и обладают возможностью практически мгновенно реагировать на любые изменения в общественном пространстве*, во-вторых, *более доступны* и, как бы это странно ни звучало, *более демократичны, чем сама демократия* (не их беда и не их проблема, что социум редко пользуется данными свойствами выборов). Поскольку демократия и выборы *обладают способностью к взаимовыручке*, — могут поделиться между собой действенными характеристиками, то они представляют собой одновременно *и продолжение, и дополнение* друг для друга.

При этом *ведущая сила выборов* в том, что они почти полностью — со всеми «фибрами своей души» и физическим естеством, *находятся на территории общества*. Более того, являются *его делом*. В идеале (возможно, в какой-либо из грядущих перспектив человеческая цивилизация до этого додумается) организатором выборов должно быть общество. Соглашаясь со всякого рода возражениями по поводу того, что для этого общество должно хотя бы обрести гражданские характеристики, а еще лучше — стать гражданским, скажем так, — *взяв в руки* то, что изначально было одной из его наиболее важных функций — *проведение выборов*, общество может *намного быстрее достичь уровня гражданственности*.

Что касается *демократии*, то с ее возникновением и распространением человечество, уже *испробовав немало форм правления* в виде многих разновидностей монархии, диктатуры, тоталитаризма и так далее, *заполучило в свое распоряжение* новый инструмент по обустройству собственной бытийности, как по функционалу, так и по эффективности *кратно превышающий* способности и потенциал всех не только на тот момент, но и на сегодня имеющихся средств управления обществом и государством. И *ведущая сила, и устойчивость демократии* заключается в том, что она, в отличие от монархии, *основывающейся на единице (индивиде)*, диктатуры, *базирующейся на лжи*, тоталитаризма, *формирующегося на фундаменте корпораций, опирается на главного субъекта* и политики, и экономики, и культуры, и всего остального, — *на народ* (общество, социум, этнос). Она *может отступить*, сдавать какие-либо из своих позиций, стагнировать, откатиться назад, под воздействием тех или иных обстоятельств на какое-то время потерять ориентиры и не туда свернуть, но как выпавший посреди июля снег не отменяет лето, так и отдельные невзгоды, постигающие ее народовластную суть, *не упраздняют демократию*. Как форма правления, демократия (в виде одного из множества средств управления она вечна) покинет общественное пространство только тогда, когда ей на замену

придет более функциональная, основательная, прочная, жизнеспособная, стабильная и надежная система власти.

Определяющая роль в придании соответствующих качеств демократической власти принадлежит *содержанию демократии*, в частности, выборам, как ее основополагающему компоненту. Но на одном компоненте, каким бы он ни был действенным, *универсальную* форму правления построить невозможно. Выборы, сами по себе опираясь на народовластие в целом, в то же время служат в одних случаях *фундаментом*, в других — *базовой основой*, в третьих — *опорой* для многих других звеньев, источников, принципов демократии. Без них (выборов) *невозможны* как самостоятельные *ветви власти*, которые имеют свое место в демократическом контенте, и их *легитимность*, так и разного рода *плебисциты*. Порожденные выборами структурные элементы народовластия вместе со всем его устройством и функциональной основой, каждый из которых в собственных пределах и исходя из своего потенциала и потребностей, *прокладывают* (в основном в идеале, хотя в нынешней реальности существуют системы власти, которые на подобное решаются) *линии постоянных взаимосвязей* с социумом, формируя разновидности демократии, воспринимаемые как *современные*.

Нельзя сказать, что нынешняя *демократия*, своей устойчивостью *существенным образом выделяющаяся в мировой государственной системе*, обитает в *наиболее богатых* странах с удобными *географией и климатом*. Как богатство, так и удобство местоположения страны может иметь значение, но оно ни в одном из признанных вариантов *не имеет определяющего характера*. Что касается *географии и климата*, то они, можно сказать, *носят вторичное значение* во всех наблюдаемых вариациях. А то же *богатство* может быть *не причиной, а следствием* соответствующих социальных трансформаций. Чаще всего социумы, преуспевающие в демократизации, возникают на основе определенных *традиционных ценностей*, нередко на *доверии*, как *свойстве этноса*, и значительной частью в достаточно сложившемся *гражданском обществе*. Возможно, здесь мы вышли на *своего рода аксиому*, заключающуюся в том, что *качество демократии детерминировано* в том числе (а, может быть, и в большей мере) и *ментальным состоянием социума*. А оно, в свою очередь, зависит от множества факторов, среди которых *первые позиции* занимают *развитое правовое государство* и уже обозначенное в данном контексте *состоявшееся гражданское общество* [5]; и то, и другое по определению способствуют формированию должной *социальной атмосферы*, например, такой, что основывается на указанном чуть выше *взаимном доверии*, с одной стороны, общества, с другой — государства и власти.

Отметим, что между качественным *уровнем демократии и значимостью выборов связь прямо пропорциональная*. Чем выше уровень, тем значимее выборы. Более того, в развитых формах народовластия *электоральное поле* намного шире и простирается далеко за пределы *зоны избрания* власти, властных структур, должностных лиц и охватывает в том числе и гражданское общество.

Примерно таким же образом располагается демократия на *территории политики*: чем демократичнее власть, тем конструктивнее политика. Здесь можно было бы использовать слово «созидательнее», но демократия не просто *про созидание*, в значительно большей степени она *про рационализм и здравый смысл*.

С небольшой ремаркой обращаясь к менее логичным и обоснованным *предшественникам демократии* — к той же монархии и диктатуре, нужно сказать, что они фундируются *максимум на рассудке*, действенность которого намного ниже, чем эффективность и разумность *здравого смысла*. Возможно, реальность, свидетельствующая о том, что, вопреки всевозможным представлениям, по которым как монархия и диктатура, так и тоталитарные формы правления, в отличие от «неповоротливой» демократии, более *оперативны и плодотворны*, но при этом во всех типах, видах и проявлениях *конечны в своем развитии*, — то есть когда-нибудь обязательно заканчиваются (не переходят в какую-то иную свою форму, потому что некуда, а прекращают свое существование), обладает более чем высоким значением. И оно в том, что *народовластие*, судя по практике и уже указанным выше причинам, как по своей сути, так и по определению *эволюционно*. Оно не только трансформируется из одной своей формы в другую — *более совершенную*, если даже при этом переживает промежуточные, иногда отнюдь не демократические состояния, но и эволюционирует.

В анализируемом контексте специфика ситуации в том, что у народовластия *есть время*, и это обстоятельство совпадает с *вечностью общества* (государству и власти, независимо от их форм и потенциала, вряд ли дано рассчитывать на подобную роскошь). Следовательно, демократия и социум могут, разумеется, в некоторых, но всё же в весьма широких пределах *позволить себе ошибаться*; даже «падать», — но только для того, чтобы *вновь встать и двигаться дальше* (споткнувшееся государство редко когда оказывается способным на восстановление, а упавшая власть просто сходит с общественной сцены, в лучшем случае оставляя после себя едва заметный исторический шлейф). И здесь для тандема демократии и общества *одной из важнейших опор* выступают выборы, которые, благодаря своему происхождению из частного человеческого выбора, то есть из инстинктов, так же долговечны. *Трио* выборов, народовластия и общества, опирающееся на естественные начала, по своим параметрам совпадает не только внутри себя, но и с природой, как окружающей средой. *Дуэт* государства и власти (оба при их значимой близости к обществу и плотности взаимоотношений как с демократией, так и с выборами, — для данной тройки сторонние фигуры) по большому счету и в долгосрочной перспективе жизнеспособен *лишь при условии*, если он основывается и свою деятельность базирует на союзе демократии, общества и выборов.

Важный момент заключается в том, что ни один из названных акторов *не должен возвышаться над другими*. Как ради полноты картины и всеобщей

действенности, так и для звучания в унисон, хорошо бы им объединиться в *квнтет*. К тому же для воспроизведения единой симфонии других вариантов нет: *правовое государство может быть только демократическим; власти для обретения легитимности и полноценного функционирования без выборов не обойтись; полноценность общества напрямую зависит от его гражданской характеристики; на выборы «ошейник» можно надеть, но тогда они тут же перестанут быть выборами; а демократия на «цепи» не живет*. Что касается *симулякров* каждого из них, нередко *выдаваемых* за подлинники в неблагоприятных целях, то они на то и симулякры, чтобы не действовать, а *изображать* деятельность.

Кроме того, перечисленные акторы не просто опираются друг на друга, но и *зигдуются друг на друге*. Можно было бы назвать самостоятельным *общество*, без которого существование других акторов невозможно, но и оно *нуждается как в государстве и власти, так и в демократии и выборах* на жизненно важном уровне. То есть общество, государство, власть, демократия, выборы — не конкуренты, не соперники, а тем более не враги друг другу, а *объекты и субъекты единой общественной инфраструктуры*. Превращение их в *частные или корпоративные инструменты* во всех случаях оборачивается различного рода *бедствиями*. Подобного рода рассуждения выглядят морализаторством, но на сегодня нет новостей, которые бы оправдывали переименование правды в ложь.

На этой не совсем благополучной картине актуальной реальности глобального мира с большей или меньшей успешностью *ладят между собой только демократия и выборы*. При наличии множественных взаимосвязей здесь другой исход невозможен. Оба фактора, кроме всего прочего, *способствуют* обоюдной устойчивости и *обеспечивают* как жизнедеятельность, так и развитие и совершенствование друг друга. Между ними *нет ведущих и ведомых*, — разве что один из них может следовать за другим в зависимости от ситуации и обстоятельств. Каждый в данном тандеме *обладает собственной инфраструктурой*, одновременно являясь частью, фактом, фактурным элементом и базовой основой другого. И если выборы представляют *стержневую суть, становой хребет, альфу и омегу народовластия*, то демократия в своих действиях *исходит из выборов*, — не только из их практических результатов, но и из их состояния.

Если говорить об их взаимоотношениях с социумом, то нужно учесть, что глубинной основой общества является мало какому пониманию доступная *ментальность*, которая может выступать как очевидность и при этом хранить в себе сложнейшие сложности. Она и определяет *«красные» линии* как выборов, так и демократии. То есть экспериментировать с ними можно, но в определенных пределах. Если *«лабораторные опыты»* с выборами включают в себя в основном разного рода и уже упомянутые политические, психологические, электоральные, а в нынешней реальности еще и электронные технологии, то демократию на прочность испытывают чаще всего

так называемые *стандарты*. Последние функциональны и в избирательном пространстве, но здесь они временами бывают и к месту. Хотя в глобальном общественном поле, где различия между индивидами и сообществами начинаются с *тонкого уровня* — с восприятий, пониманий, осознаний, осмыслений, представлений и так далее, *единые мерил*а редко срабатывают.

Понятное дело, что *стандарты*, придуманные для упрощения тех или иных производственных процессов наравне с образцами, трафаретами, штампами, моделями, эталонами, формулами, *перекочевали на территорию народовластия и электоральной практики* с соответствующей целью и без спроса. Жизнь показывает, что они, если и вписываются в общественно-политическое пространство, то только местами. Задача распространения стандартов на поле социума не требует особых разгадок, — она напрямую связана с *бюрократической сутью* так называемых контролирующих органов, тех самых *глобальных наблюдателей* — личностей, должностных лиц и организаций, которые в буквальном смысле слова назначены *оценщиками* состояния как в общем демократии и выборов, так и их различных элементов.

То есть существует кто-то, имеющий право дать оценку действиям и деятельности, с одной стороны, общества, с другой, — государства и власти. Не мнение свое высказать, *предварительно попросив разрешения*, а именно дать оценку, притом определяющую. Нет причин сомневаться в том, что подобного рода оценщики — это некие представители не какой-то конкретной бюрократии, а в целом *бюрократической системы*. А появление самой возможности таких оценок — *итог взаимодействия национальных бюрократий с наднациональными*. Можно было бы и уточнить их названия, но не в названиях суть. *Бюрократия* по собственной традиции во всех ситуациях движется по пути упрощения, то есть действует так, чтобы было *легче считать*. В условиях, когда общественное пространство чуть ли не в прямом понимании *оккупировано* бюрократией, никаким стандартам удивляться не приходится. Та же цифровизация, которая могла бы послужить благополучию общества, не успев появиться, стараниями глобальной бюрократии стала *инструментом по подсчету и фиксации* деяний населения. Притом практически любых. А ныне, взяв в союзники *нейросети*, не только социуму, но и целым государствам *диктует* правила поведения.

Начнем с того, что и общество, и демократия, и выборы *возможны и функциональны* исключительно в условиях *свободы*. Без нее общество никогда не выйдет *за пределы значения толпы*, а демократию и выборы можно назвать ее прямыми последователями. Притом речь здесь идет о *внутренней свободе*. О той, что связана, во-первых, с ментальностью, во-вторых, с моралью и порядком, как со своими непосредственными ограничителями. Значит, еще и *осознанной*. Может быть, не самой высокой формой свободы (мы этого не можем знать, так как ее высочайшая форма мало кому доступна и от своих обыденных форм кардинально отличается), но достаточной, чтобы *взаимодействовать со множеством смыслов*. В дополнение к сказанному напомним,

что у демократии связь со свободой прямая: вопреки представлениям о том, что в состав «демоса» входило в основном городское население (что случилось позднее), в Древней Греции этим словом изначально обозначались свободные крестьяне.

Бюрократия работает исключительно по инструкциям, а если и имеет отношение к смыслам, то только к тем, которые держат ее на плаву. Подсчитывать итоги голосования она способна, более того, она просто мастер подсчитывать, но *делать масштабные выводы* из своих подсчетов — не в состоянии. Неслучайно, что ее интересы редко выходят за границы предписаний. Для нее самым важным моментом является то, чтобы *совпали цифры*, то есть чтобы *всё соответствовало инструкции*. Потому она и *упрощает* всё то, чего не понимает или не в состоянии понять, — ведь простое легче складывать. Бюрократия по определению *не способна оценивать*. Вот откуда *заранее заготовленные заключения* о состоянии демократии, об итогах выборов, так называемые *предварительные выводы*, которые часто служат *элементарными установками*. Оттуда же и *стандарты*, — в том числе демократические, избирательные, законодательные и многие другие, которые призваны *посредством упрощения сделать человеческий мир удобным для подсчетов*. Неслучайно, что последние десятилетия людской истории характеризуются *посягательствами* глобальной бюрократии на ту сферу, где никакой объективности (соответственно и стандартизации) не может быть как по логике, так и по определению, — *мораль и ментальность*. Судя по всему, следующим кандидатом на стандартизацию вполне может быть поведение избирателей, а дальнейшие ее этапы просто непредсказуемы.

Демократия и выборы, будучи *элементами человеческих (субъектных) взаимоотношений*, не только не одинаковы по своей сути и содержанию, но и не могут быть уложены даже в самые разумные и как бы обдуманые протоколы. К обоим этим явлениям применимы правила, законы, порядок, но только стандартам в их пространстве делать нечего. Если сильно приглядеться, то так называемые *международные избирательные стандарты* больше похожи не на средство установления электорального порядка, а на всё те же вездесущие политические технологии.

Единственное, с чем они совпадают по своим отдельным параметрам, это *законы и законодательство*. Но законодателями выступают (по крайней мере формально, — повторимся: при пропорциональной избирательной системе легитимность избираемых весьма сомнительна) представители народа, при этом мало кому известны имена авторов и разработчиков демократических, избирательных и всяких иных подобных стандартов. Не хотелось бы в это верить, но становится всё более очевидным, что в содержании последних *доля политики значительно превышает удельный вес демократии*.

Формы правления, подразумевающие народовластие, как своими целями и задачами, так и свойствами зависимые от огромного множества факторов, могут быть похожими, почти идентичными и практически одинаковыми,

но не могут быть стандартными и абсолютно аналогичными. То же самое можно сказать и о выборах. И демократия, и выборы возможны в определенной, *каждый раз разной* общественной и этнической среде. Если стандартизация в общественном поле выступает в качестве *самоцели*, заменяя собой главную задачу демократизации в целом и избирательной системы в частности, то она является в большей степени *спекуляцией*, чем средством упорядочивания. *Мерила нужны*, а в отдельных случаях и вовсе необходимы, но как у каждого явления, у них должна быть своя *конкретно очерченная сфера* функционирования.

Стандартизация, притом *бюрократического свойства*, в отношении демократии и выборов являет собой *посягательство на свободу*, а это означает *покушение на сущностную характеристику социума*. Для того чтобы подходить к выборам с едиными и общими для всех мерилami, придется преодолеть множество важных препятствий, в том числе частного, общего, социального, этнического, государственного характера, одновременно *нивелируя детерминирующую роль* выборов в становлении демократической власти, а самое главное, лишая их свободы, которая ни по одному из своего бесконечного множества параметров не совместима со стандартами. *Без свободы не может быть ни демократии, ни выборов*.

В пространстве выборов стандарты допустимы только в *организационном плане*. Точнее, в той сфере, где обеспечивается *удобство голосования* избирателей. Проще говоря, *выборы можно проводить по стандартам, но они не могут быть стандартными*. Более того, превращением выборов в некий стандарт невозможно добиться (а цель стандартных выборов может заключаться в основном в этом) стандартных итогов. Какие бы мерилa ни применялись к выборам, они всегда приводят к принципиально разным итогам (речь здесь не о процентах голосов). В сути выборов, — в той их глубине, где принимаются решения, — стандартам не место. Наличие в содержании выборов каких бы то ни было технологий сводит на нет как их *чистоту и честность*, так и *объективность* (разумеется, в конкретном смысле) и *легитимность*, в сущности, оставляя от них одну лишь *оболочку*.

Здесь мы подходим к той важной грани, определяющей одно из важнейших свойств и проявлений выборов, в котором они выступают как *лекарство*, а нередко и вовсе как *панацея* и для социума, и для власти, и для государства. Во времена, когда акторы общественного пространства (иногда по одному, а временами все вместе) по тем или иным — внутренним или внешним — причинам оказываются в состоянии своего рода *болезни*, именно выборы становятся тем *эликсиром*, способным вернуть их в нормальное состояние без посторонней помощи. В подобных ситуациях, которые отнюдь не редки и к каким-либо видам экзотики не имеют ни малейшего отношения, — то есть ни одна страна и ни одно государство от таких моментов не застрахованы, выборы выступают средством *сплочения социума, приведения в действие* всего его потенциала, *мобилизации* физических, материальных и ментальных

ресурсов во имя общей цели. Именно выборы, в повседневности воспринимаемые как общественно-политическое мероприятие, превращаются в *принцип консолидации* социума, государства и власти в единое начало.

К сожалению, для большинства народов планеты именно в подобных своих проявлениях выборы все еще остаются *недостижимой мечтой*, так как до обозначенного уровня им нужно дорасти, вернее, пройти значительный отрезок пути своего развития. По возрасту выборы (как явление, а не как процедура) *намного старше* всех существующих государственных систем и форм правления, и в *генной памяти* отдельных народов и всего людского рода содержатся *некие воспоминания об их действительности*. В странах и сообществах, в которых ни разу никаких выборов в современном понимании не проводилось, люди *догадываются*, что выборы из себя представляют в глубинном смысле. А там, где они достаточно давно стали обыденным делом, избиратель, безотносительно к форме их организации, *знает* (именно так!), что такое настоящие выборы. Сбить с подобных знаний посредством применения политических и психологических технологий (тех же стандартов) вряд ли кому удастся.

В соответствующий момент выборы, которые в своей настоящей и подлинной вариации *нужны всем*, — государству и власти не в меньшей мере, чем социуму, становятся *общей для всех точкой опоры*. Этим они привлекательны и этим же обеспечивают в себе крайнюю заинтересованность социума. К чему бы общество ни стремилось, чего бы ни добивалось, — крайней стабильности, масштабного движения, резких скачков или осмысленных реформ, *выразить свои пожелания оно может только электоральным путем*, то есть через выборы. К мнению, высказанному им посредством бунтов и революций, как правило, некому оказывается прислушаться. И начинать после подобных «высказываний» обычно приходится в лучшем случае с неопределенностей, в худшем — с хаоса.

Несколько по-иному нуждается в выборах *власть* (всякая), вынужденная в перманентном режиме *самоутверждаться* (доказывать, что она — власть в полном смысле слова, — такая уж у нее форма существования) через свою деятельность, собственные программы и проекты, законотворчество, обустройство страны и так далее. Посредством выборов она, во-первых, *может получить мандат* (право на властвование), во-вторых, *возможность легитимации* на разных уровнях, то есть узаконивания своих действий, и наконец, в-третьих — *доступ к практически прямому диалогу с обществом*, соответственно, и *право на то, чтобы говорить от его имени*. Собственно, *только таким образом* власть способна стать представителем социума (народа, нации), то есть властью (так как мы говорим о демократической власти, то и исходим из того, что здесь нет нужды в уточнениях отдельных неоднозначных моментов).

Понятно, что в своих отношениях как с электоратом, так и с выборами власть, чаще всего и как правило предпочитающая *пути наименьшего*

сопротивления, в русле продления полномочий *может быть склонна* к применению не совсем легитимных технологий. В то же время, как и все иные акторы электорального поля и общественной жизни за исключением государства, она *опирается на первоначальные инстинкты самосохранения*, соответственно, в своих желаниях отталкивается от определенных, а зачастую весьма конкретных пределов. То есть *знает свое место*, с которого и воспринимает выборы, — если и нарушает их порядок, то *с оглядкой* на возможные последствия. *Любая власть*, включая и те ее разновидности, демонстрирующие собственную действенность посредством «игр мускулами», *больше изображает, чем является*, — в отличие от общества, которое во всех без исключения ситуациях *больше является, чем кажется*.

Поддерживая в определенной (в ее понимании — допустимой) мере введение различного рода стандартов в общественное пространство, власть основывается в том числе и *на своих* повседневных, если не сказать сиюминутных, *потребностях*. С данной позиции она не прочь применять их не только по отношению к выборам, но и по большому счету к чему угодно. У нее *свое видение и своя рациональность*. Действуя практически рука об руку с *бюрократией* и воспринимая ее как *неизбежное в широком смысле слова зло*, в своих желаниях сохранять за собой «трон» *как можно дольше* власть видит в ней союзника и, таким образом, *практически намеренно* — не до конца, но все же зная, чем это может обернуться, оставляет между собой и государственностью некий *зазор*, куда время от времени (в некоторых случаях — зачастую) просачиваются нежелательные элементы вроде политико-психологических технологий и тех же стандартов. В ее понимании она подобной тактикой *блюдет свои интересы*. Так как *любые ошибки власти — политические*, то в реальности рано или поздно они *практически в обязательном порядке* (практически, потому что бывает, что настигать оказывается некого) *настигают*, в одних случаях — действующую власть, в других — ее последователей, и во всех — общество и государство.

В контексте нашего сюжета можно сказать, что такого рода действиями — правда, чаще всего руками бюрократии, власть добивается *стандартизации социального пространства* в надежде на то, что *выборы по стандартам* в сочетании со *стандартными моралью, образованием, воспитанием, поведением, мышлением* и так далее приведут к формированию стандартного, следовательно, *максимально управляемого социума*, упуская из виду, что стандартизация наряду с управляемостью с крайней неизбежностью *лишает общество внутренней свободы, творческого начала, инициативы, самостоятельного восприятия и понимания*, а по сути — *внутреннего стержня* со всеми вытекающими отсюда последствиями. *Хорошая новость* в том, что и *стандартные выборы*, как и *стандартное общество*, представляют собой не больше, чем фантазию, которая недостижима по той явной причине, что жизненное время любой власти *короче* срока жизни как выборов, так и демократии, не говоря о государстве и обществе. *Плохая* — в том, что, к сожалению, стандартизация

(явным образом выдающая себя за демократизацию), взявшая свое начало в актуальной действительности и действующая довольно рьяно почти по всему миру, может (пока по естественным обстоятельствам не лишится своих вдохновителей, операторов, бенефициаров, а заодно и действенности) успеть «наломать дров».

Стандартизация — один из сущностных элементов *глобализации*, но не реальной и естественной глобализации, которая *и так происходит* в течение как минимум нескольких веков и, как эволюционный процесс, ни в какой стандартизации не нуждается. Речь идет о *спекулятивных процессах*, под видом глобализации получивших значительное развитие в последние десятилетия. То есть о рукотворном *коммерческом проекте* общемирового масштаба, разработанного и реализуемого *транснациональными корпорациями*, целью которых является, пусть и очень большая, но все же *банальная выгода*. Это чисто техническое действие, облеченное во всевозможные культурные и политические одеяния, при этом его экономическая подоснова хоть и тщательно, но без особой успешности скрывается. И в техническом качестве *коммерческая глобализация*, как, впрочем, и ее разработчики-интересанты, лишена некоторого, но при этом очень важного понимания сущности объекта, на который намеревается воздействовать с целью его ни много ни мало трансформации.

На примере избирательной системы скажем, что стандартизация может (возможно, даже с положительных позиций) поменять *арифметику выборов* — сферу, связанную с процедурной проблематикой, но ни в коей мере не способна повлиять на их *математику*, а тем более *тригонометрию или химию*, хотя она претендует именно на подобное влияние. С учетом того, что в электоральном пространстве важно всё, включая *историю, географию, геометрию* (разумеется, все это в опосредованном и несколько абстрактном, но всё же — то есть в конечном счете — в абсолютно прямом смысле), никаким сторонним воздействиям не дано *даже коснуться* внутренней сути выборов и демократии. Не имея никакого практического отношения к народовластию, — особенно к его развитию, а тем более к естественной эволюции, стандартизация может привести только к *расширению территории бюрократии*. Нужно признать, что на данном поле ее интересы сходятся, притом исключительно опосредованно (через бюрократическую систему), с интересами власти.

«Стандартизаторам» (ни локальным, ни глобальным, ни международным, ни каким-либо иным) не понять, что *каждое явление функционально, эффективно, а главное, целесообразно и благотворно на своем месте*, то есть в конкретном пространстве {та же бюрократия на территории своего обитания бесценна и незаменима, но как только она выходит за ее пределы, претендуя на место власти или так называемого глубинного государства (дипстейта), жди беды; точно так же с технократами, которые, добравшись до власти, тут же бросаются управлять страной и государством как корпорацией, а это,

как неоднократно продемонстрировала недавняя и современная история, всякий раз заканчивается фиаско}. *Не всё можно подвергнуть стандартизации*, — как сама жизнь, человеческая суть, разум, психология, этнический менталитет, мораль, так и их проявления и порождения, обладающие постоянной и неразрывной связью со своими первоначалами, *не могут быть стандартными*. Те же *права человека* происходят из индивидуальной и личностной свободы, которая ни по одной из своих линий не пересекается со стандартизацией. Выборы исходят из человеческого выбора — внутренне свойственного индивиду имманентной возможности, в свою очередь берущего начало из инстинктивной сферы, в которую доступ предельно ограничен не только технологиям, но и науке. Соответственно, в их сути нет *ни малейшего места* стандартизации. Стандартные выборы могут предполагать, притом по определению, только полный абсурд в виде возможности существования стандартных личностей, так как от природы нестандартный избиратель (человек) в какие-либо эталоны и шаблоны не укладывается.

Основываясь на обозначенных моментах и предельно очевидных и явных позициях, можно сказать, что не могут быть стандартными и выборы. По разным оценкам у понятия «культура» существует около 200 определений. Это означает, что культура как явление из-за широты сферы своей деятельности в дефиниции не укладывается. Примерно по такой же причине и выборам одновременно *и легко, и сложно давать определения* [6]. В подобных попытках нужно охватить *слишком большой спектр* как факторов и проявлений, так и позиций, ракурсов и точек зрения, которые во всех ситуациях *субъективны*. В содержании выборов, посредством которых демократическое общество стремится добиться *непредвзятости и беспристрастия*, ничего объективного нет. Возможно, это — наиболее важный момент среди положительных характеристик выборов, который можно раскрыть посредством *естественности их сути*.

Природной основой электоральных процессов объясняется *действенность детерминирующих начал* выборов. Электоральная сфера *может только казаться* подвластной, подчиненной, зависимой, так как почти все ее системные основания, логистика, отрасль и каркас *рукотворны*, содержатся в рабочем состоянии и поддерживаются одними из ее главных интересантов — *государством и властью, и без непосредственного участия общества*, которому в основном отводится в значительной степени *фиктивная роль наблюдателя*. Электорат, конечно, «звучит гордо», но зачастую — не более того. На нем *одна лишь ответственность* за то, что он, говоря очень и очень мягко, практически *не контролирует*. В то же время, если заглянуть вглубь электоральных процессов, то за формальным содержанием выборов можно обнаружить реальную *избирательную инфраструктуру*, располагающуюся на *смысловых началах, множественной сущности, созидательных функциях и безальтернативности* выборов. В действительности, на эту безоговорочно главную инфраструктуру, *нередко сами того не подозревая*, опираются не

только государство и власть, но и все возможные, малые, большие, частные и общественные интересанты выборов.

Созидательная суть выборов распространяется далеко за пределы любых государственных, властных, социальных, политических и экономических инфраструктур, в одной и той же значимой мере охватывая *не только актуальную реальность, но и прошлое и будущее*. Тем, что они *порождают и формируют власть* (притом это происходит *в течение тысяч лет*), пусть и не очевидным образом и не в непосредственном понимании, но *возвышаются над действительностью*, с одной стороны, как *надежда высшего смысла*, с другой — в качестве той *единственной опоры*, которая не может подвести ни при каких обстоятельствах. Их *множественный* и более чем *сложный контент*, включающий в себя и *конфликтные основания*, не оставляет места вопросу о том, почему именно выборы? Ведь современная ситуация способна предложить массу вариантов формирования властных структур; те же нейросети вполне могут обеспечить чуть ли не абсолютную объективность и беспристрастие как в целом выборов, так и голосования. Дело в том, что *доверие к выборам* напрямую связано с их *внутренним смыслом* и с тем, что для общества (как для граждан и электората, так и для населения и народа) *выборы сами по себе являются смыслом*. Если по-другому, то в восприятии большей части избирателей (как бы они сами для себя подобные моменты ни формулировали) в выборах содержится *коллективный разум и общая психология*. Следовательно, *легитимным* (правдивым, истинным, подлинным, настоящим) может быть только тот *вердикт*, который выносится *коллективно*, а значит, *«всем миром»*.

В данном восприятии, относящемся (может быть, за редким исключением) *ко всему людскому роду*, выборы — элемент человеческой жизни. И в этом качестве они скрывают в себе полную *непредсказуемость*, полученную в наследство от такого концепта с бесконечно неясной сутью, как выбор, связь избирателя с которым стоит того, чтобы на ней хотя бы ненадолго сосредоточиться. Выбор *в своем осознанном виде* присущ исключительно *разуму, а значит, человеку*. Здесь ни одно явление, включая все мыслимые и немыслимые формы правления, управленческие системы, формальные структуры и тому подобное, *не в состоянии конкурировать* с индивидом (избирателем). Он только на первый взгляд прост (настолько, что некоторые авторы позволяют себе такие абсолютно некорректные, а главное, неверные по сути выражения, как «простой человек», «обычные люди» или даже «простой народ»), но во всех ситуациях *именно за ним последнее слово*. Попытки «водить его за нос» (здесь речь идет в том числе и о чуть ли не повсеместно — по всему миру — предпринимаемых попытках управлять, а то и руководить электоральными процессами) *только в краткосрочной перспективе* могут привести к какому-либо результату, — *в длительной перспективе и панорамном ракурсе* они всякий раз и почти с одинаковой неизбежностью оборачиваются обратным эффектом. В отношении выборов,

если более конкретно, то *их разнообразных и временами довольно изощренных фальсификаций*, данный постулат выступает, да и воспринимается, как «божья кара».

Дело тут не в чем-то сверхъестественном, которого в природе не существует, а *в корне ошибочной тактике*, опирающейся на эфемерные цели и задачи, и *стратегии*, основывающейся на ложном восприятии действительности. Как никакой подвиг невозможен без чьей-то ошибки, недоработки, а то и глупых по существу решений, так и любого рода катастрофы — результат того или иного просчета. Пока власть и государство функционируют *во взаимосвязи* с собственным источником происхождения — электоратом (социумом и народом) и исходя из его интересов, в общественном пространстве складывается *одна ситуация*, как только они в большей степени полагаются на какие-то другие (не обязательно на свои) интересы, — положение, при том *всё*, более того, как в общем, так и в мельчайших (не всегда видимых) деталях, *меняется в корне*.

В электоральном поле, кроме формальных (законодательно установленных) правил, существует *внутренний порядок*, базирующийся на не всегда очевидных, но в то же время *глубинных убеждениях и принципах* общества, по которым, в частности, *фальсификация* выборов (кто бы их ни фальсифицировал) неким неведомым обыденному восприятию образом переносит *ответственность* (общую, а можно сказать, и глобальную) с избирателя (следовательно, в целом электората) на власть. И хорошо, если на какой-либо из ее уровней, — зачастую дело получает такой оборот, что безотносительно к уровню выборов обозначенная *масштабная ответственность перекладывается на верховную власть, а нередко и на государство*.

Возможно, для *формальных правителей и действующей власти*, которые за счет различных технологий вполне могут дотянуть *до конца своих каденций*, это может и не иметь большого значения, но проблема не в том, каково в подобных ситуациях приходится тем или иным должностным лицам и управленческим структурам, поскольку здесь речь *не совсем о прямой ответственности*. Она больше касается того обстоятельства, что такие моменты сказываются, с одной стороны, на *фундаменте государственности, на отношении народа и государства, социума и власти*, с другой, что особенно важно, — на *общественных течениях*. Может оказать значительное воздействие на *легитимность власти*, особенно с учетом того, что в государственном (властном) и общественном (народном, электоральном) понимании легитимность — *разные категории*. Почти во всех случаях в собственном восприятии власть обладает *одним (как правило, более высоким) уровнем легитимности*, в восприятии народа — *другим (также как правило, но более низким)*. Иногда, особенно в периоды, когда обозначенное понимание кардинально разнится, для объявления «царя ненастоящим» многого не требуется. Как это ни парадоксально, в отличие от памяти власти, *в которой мало что хранится долгое время*, народная память, складывающаяся из памяти индивидов,

референтных групп, коллективов, сообществ и социума, настолько крепка, что при необходимости *может предъявить суду истории не только обиды и проявления несправедливости, но и всевозможные недоразумения.*

Очевидно, что посредством выборов формируется власть, то есть политическая структура, но означает ли это, что выборы — *политическое действие*? Одним лишь появлением на избирательном участке или тем, что голосует определенным способом (например, опуская избирательный бюллетень в ящик для голосования), гражданин *не становится политиком*. Вряд ли можно считать организаторов, да и всех остальных участников избирательной кампании, политиками. *И активным, и пассивным избирательным правом обладают граждане государства*, которые до того, как стать таковыми, являются *членами общества*. В содержании выборов трудно обнаружить что-либо политическое, в то же время они *пронизаны и наполнены факторами социального свойства*; практически всегда проводятся на общественной территории. Возможно, эти моменты и придают им существенную степень *легитимации*, так как общество, то есть народ, и является *источником легитимности*. Да, время и место проведения выборов — в разных странах по-разному, то есть разными органами власти или должностными лицами, — назначаются политиками, а этого *явно недостаточно* для признания выборов политическим действием. Всё перечисленное в этом абзаце говорит исключительно в пользу демократии: выборы, как *демократический фактор*, не могут быть *политическими*. Более того, *чем больше в выборах политики, тем они менее демократичны*. То, что *общественные выборы* представляют собой *политическое событие*, никаких противоречий под собой не имеет.

Не менее интересные процессы происходят на противоположной стороне *линии соприкосновения выборных процессов с политической системой*. Они касаются того, что *выборы по определению не могут быть политическими*, даже если проводятся внутри политической системы, так как в таком случае они *заведомо необъективны*. Это означает, что выборы — *вопрос социальный*, и они во всех случаях имеют *непосредственное отношение к обществу*. Проще говоря, условное политбюро (собрание должностных персон, целиком и полностью состоящее из политиков), какие бы каждому из его представителей ни были присущи политические взгляды и мировоззрения, в момент голосования *на определенное время превращается в коллектив членов общества*. В этом примере заключены как *субъективные* (интеллектуальные, эмоциональные, ментальные, этнические, исторические, географические и так далее) *аспекты*, так и *психологические особенности* выборов, свидетельствующие об их *множественной* (многофакторной, разнонаправленной, многовекторной, многоцелевой) *сути*. В то же время выборы могут быть в том числе политическими, то есть *политическое направление* может являться одним из многих, а в определенных случаях — *одним из значимых контентов*. Члены условного политбюро из приведенного примера при голосовании по тому или иному

вопросу (а они должны голосовать в основном по вопросам государственного значения) могли руководствоваться и политическими мотивами.

Повторяя как мантру, что выборы — это краеугольный камень демократии, нельзя забывать о том, что они же (притом до того, как стать этим самым «камнем») — *элемент человеческой жизни* и в первую очередь функционируют в качестве данного элемента. Этот момент более чем важен для объяснения *сложной сути* выборов, поскольку, хотим мы того или не хотим, нам придется сталкиваться и учитывать *множественность человеческой натуры*. И как следствие — умножить ее на локальный, региональный, национальный электорат (в каждой из перечисленных вариаций — на *множество множественностей*). И тогда мы *можем получить ответ* на огромное число накопившихся вопросов в отношении как выборов, так и демократии. А затем, возможно, перестанем размышлять на тему того, можно ли *руководить выборами, насколько они важны, чего стоят их симулякры и подобия, во что обходятся электоральные игры* и так далее.

Так уж повелось, что в *коннотации выборов* большинству видится особого рода *противостояние между социумом и властью*, — акторами, которые по своей природе — как по происхождению, так и целевому назначению — *союзники*. В действительности, подобного рода антагонизмы возможны, но не более того, хотя данное восприятие неслучайно. То, что им обоим не хватает *взаимного доверия*, выше уже было сказано. Добавим не менее значимое обстоятельство, без наличия которого у них не только с этим самым доверием, но и со многими иными аспектами взаимодействия всегда будут проблемы. Речь идет об *обоюдной искренности*, начисто отсутствующей в отношениях власти и общества. При наличии искренности эти акторы-союзники вряд ли, глядя удивленными глазами друг на друга, изображали бы недоумение по поводу того, откуда берутся «черные» и «грязные» технологии, абсентеизм, равнодушие, безразличие, политическое невежество, почему чуть ли не в большинстве случаев победителями электоральной конкуренции становятся *как минимум* не самые лучшие, *демократизация оборачивается стандартизацией, глобализация на поверку оказывается коммерческим проектом*, а самое главное, — *по какой причине этому перечню нет ни конца ни края*.

Сложно сказать, на каком повороте истории искренность выпала из их арсенала, но пока они (оба, притом одновременно, так как искренность может быть только взаимной) ее не вернут, *общий проект* (демократия) социума и власти обречен блуждать «в темной комнате в поисках несуществующей черной кошки» в качестве то фикции, то абстракции, а то и фантазии. Что же касается электоральных процессов и избирательной практики, то по сути своей они, несомненно, имеют отношение к *конкуренции*, но их *квинтэссенция*, то есть выборы, — это *ключ*. Человечеству только предстоит обнаружить *замочную скважину*, в которую оно может этот ключ вставить.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / пер. с нем. Б.Г. Столпера. М.: Издательство АСТ, 2023. 960 с.
2. Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельмана. Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики», 2-е изд. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023. 193 с.
3. Сакс Дж. Мораль. О восстановлении общего блага в эпоху разобщенности / пер. с англ. Олега Алякринского. М.: Книжники, 2024. 400 с.
4. Стефанов Я.Н. Безреволюционное развитие и непрерывная демократия // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 2. С. 135–150.
5. Гасанов И.Б. Новый Вавилон. Эволюция государства — от единовластия к двоеначалию. М.: МедиаПресс, 2019. 816 с.
6. Гасанов И.Б. Выборы как способ кардинального улучшения качества власти // Журнал о выборах. 2003. № 2.